

Михаил Анатольевич Гришин

Найти и обезвредить

Серия «Военные приключения (Вече)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73890422
ISBN 978-5-4484-5848-4

Аннотация

В апреле-июне 1943 года в оперативном тылу Центрального и Воронежского фронтов резко активизировалась вражеская агентура. Нередко эти разведывательно-диверсионные группы состояли из завербованных бывших советских солдат и офицеров, попавших в самом начале войны в плен. Все они проходили подготовку в разведывательно-диверсионных центрах абвера и поэтому представляли большую опасность. Новая вражеская радиостанция неожиданно вышла в эфир в районе крупного железнодорожного узла в тылу только что созданного в строжайшей тайне Резервного фронта. На выявление и задержание немецких разведчиков выезжает оперативно-розыскная группа Управления контрразведки фронта под командованием капитана Зимарина...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	23
Глава 4	41
Глава 5	54
Глава 6	66
Глава 7	74
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Михаил Гришин

Найти и обезвредить

«Военные приключения» является зарегистрированным товарным знаком, владельцем которого выступает ООО «Издательство «Вече».

Согласно действующему законодательству без согласования с издательством использование данного товарного знака третьими лицами категорически запрещается.

© Гришин М. А., 2026

© ООО «Издательство «Вече», оформление, 2026

* * *

Глава 1

Ночь. По мрачному, напитанному густой синевой небо-своду с медлительной нерасторопностью движутся тёмные, похожие на грозовые тучи облака. Время от времени в про-свет между разрывами кучевых облаков на короткое время мелькнёт холодный неживой свет спрятанного в вышине го-лубого лунного диска, и снова безмолвно плывут в неведо-мую даль клубы дымчатых облаков. Неожиданно в звенящей от сверчков и соловьиных трелей зыбкой тишине летних су-мерек слышится далёкий, похожий на зуд комара протяж-ный звук. Загадочный звук с каждой секундой становится всё ближе, и скоро уже безошибочно можно разобрать: за низко плывущими облаками летит военный самолёт. Другие здесь не летают. Проходит ещё несколько томительных ми-нут, и серый силуэт самолёта уже легко проглядывается. По-падая в светлые небесные окна, он, как дельфин, ныряет из одного облака в другое.

В очередной раз вынырнув из облаков, самолёт идёт на снижение. По характерному носу с пропеллером угадыва-ется принадлежность самолёта к люфтваффе. Это воен-но-транспортный трёхмоторный самолёт Ю-52 по прозвищу «Тётушка Ю» или «Железная Анни».

От него отделяются четыре чёрные точки. Не проходит и несколько секунд, как над ними с шорохом раскрывают-

ся парашюты. Похожие в серых сумерках на расплывчатые мутные головки белых одуванчиков парашютисты бесшумно скользят к земле. Вскоре они пропадают за зубчатой стеной леса...

* * *

Сквозь плотно сомкнутые кроны деревьев лунный свет сюда почти не проникает. Изредка, правда, случается, что он скупо сочится, опадает вниз пыльным рассеивающим столбом, когда полная луна вдруг на минуту выходит из-за тёмных облаков.

Под сосной, прислонившись спиной и затылком к шероховатому стволу, на мокрой от росы траве сидит парень, одетый в военную форму. Красноармейская пилотка с красной звездой лихо сдвинута на бок, ухарски торчит светлый волнистый чуб. На гимнастёрке младшего сержанта нет-нет да и блеснёт тускло серебристая медаль «За отвагу». Сбоку от него лежит на спине девушка, согнув ноги в коленях. Широкий подол светлого цветастого платья сполз с её полных округлых колен, бесстыдно оголив молочную белизну стройных ног. Удобно расположив голову на его бёдрах, рассыпав пышные волосы на широких галифе, она задумчиво покусывает кипенными молодыми зубами стебель: всё, что осталось от ромашки после гадания. Какое-то время девушка смотрит в небо, стараясь разглядеть сквозь замысловатое переплете-

ние ветвей какую-то свою звезду, потом со вздохом произносит:

– Завтра уже уезжаешь? – В её тихом голосе отчётливо слышны тоскливые нотки. – Может, ещё на денёк задержишься?

– Что ты, Маринка, – пугается военный. – Больше не могу. Послезавтра следует быть уже в части. Потерпи немного, фашистов вот разобьём, тогда и поженимся.

– Когда это ещё будет, – тянет Маринка и опять протяжно вздыхает. – К тому времени я уже состарюсь. А зачем тебе старуха нужна? Ты сразу от меня и откажешься.

– Не откажусь, – на полном серьёзе отвечает парень, наклоняется и целует её в горячие податливые губы. – Мне, кроме тебя, никто не нужен... моя горлинка.

– Так уж и горлинка, – говорит Маринка, расплываясь в довольной улыбке; быстро охватывает его крепкую шею руками, притягивает голову к своему лицу и надолго припадает губами к его жёстким, чуть солоноватым губам. Через несколько минут девушка чувствует, что задыхается, изловчившись, выворачивается и стремительно вскакивает на ноги. Пряча смеющееся лицо в ладонях, тихо говорит: – Чуток сознание не потеряла. Вон ты какой...

– Какой? – интересуется, улыбаясь, парень, следом за девушкой поднимается с травы, отряхивает сзади влажные от росы галифе с прилипшими к ним зелёными былинками.

– Скоро рассвет, – невпопад отвечает Маринка, накиды-

вает цветастый платок на плечи. – Пошли домой, а то там теперь тётя Марфуня переживает, куда это её дорогой сыночек подевался. Будет потом мне выговаривать. А утром я тебя сама провожу до полустанка. Выпрошу в сельсовете лошадь и отвезу. – Она цепко хватает его за рукав защитной гимнастёрки и тянет за собой на узкую тропинку, ведущую в деревню.

– Не так быстро, – с умоляющими нотками в голосе просит парень, не в силах расстаться с возлюбленной. – До рассвета ещё о-го-го сколько.

Он приобнимает правой рукой девушку за талию, прижимает горячее тело к себе, чувствует, как по её телу пробегает мелкая дрожь от волнения. Они идут не спеша, с ленцой переставляют ноги. Время от времени парень целует Маринку то за ушком, похожим на круглый белый пельмешек, то в мягкую, пахнущую домашним теплом бархатистую кожу щёки, то поворачивает её голову и быстро чмокает в нос, в бровь, в глаз, до сладостной истомы в груди ощущая губами трепет её ресниц. Девушке нравится столь нежное обхождение со стороны кавалера, она не сопротивляется, даже сама проявляет инициативу, поднимается на носки стареньких облезлых туфель и торопливо целует его в скуластое, смуглое от загара лицо.

Им остаётся пройти до околицы совсем немного, за деревьями уже виднеется белённая известью саманная хата. Сиротливо расположенная на отшибе, в сумерках она выглядит

мутным светлым пятном.

– Стой, кто идёт? – внезапно раздаётся негромкий мужской голос, и дорогу им преграждают три серые тени, будто материализовавшиеся из тёплого, насыщенного лесными запахами ночного воздуха. Темноту упруго прорезает луч карманного фонарика, скользит по лицам, через секунду останавливается на парне. – Документы предъявите, – требует низкий с хрипотцой голос.

Прикрывая левой ладонью глаза от ослепляющего света, парень силится разглядеть лицо военного, но видит лишь вспухший бугром погон на его плече.

– Я, товарищ капитан, прибыл после ранения в краткосрочный отпуск. Завтра уже отбываю в часть.

– Что за часть? Где располагается? – тотчас интересуется капитан. – Какой фронт? Кто командующий?

– Вам зачем? – настораживается парень и вдруг всем телом вздрагивает, почувствовав глубокое проникновение чего-то острого в бок; глаза у него расширяются, из уголка сжатых плотно губ чёрной дорожкой вытекает густая кровь, медленно движется по чисто выбритому с утра подбородку. Правая рука безвольно скользит по талии девушки вниз, и младший сержант кулем валится на тропинку.

Маринка растерянно смотрит на лежащего на земле ухажёра, ещё не до конца понимая произошедшей трагедии, затем переводит взгляд за свою спину. Позади неё стоит четвёртый военный в звании лейтенанта, держит в опущенной

левой руке нож. По широкому лезвию стекает кровь, капает на листья подорожника. Глаза у девушки неестественно округляются от охватившего ужаса, сознание молнией опалила мысль: «Убили Васю!» Маринка открывает рот, чтобы закричать, но стоящий впереди военный быстро зажимает её рот ладонью. Острый, тошнотворный запах мужского пота, табака и ещё чего-то мерзкого и отвратительного мутит её сознание, тошнота подкатывает к горлу, Маринка сопротивляется. Её охватывают поперёк талии, поднимают и несут в лес. Она брыкается, хочет укусить человека за руку. Но её бьют по голове рукояткой пистолета, девушка обмякает в руках насильника и уже не слышит приглушённо-торопливого разговора, который происходит между напавшими на них с Василием неизвестными злодеями в военном обмундировании.

– Бро, может, не стоило убивать? Ушли бы, и все дела. Теперь нас точно разыскивать станут.

– А ты можешь поручиться, что они нас не заметили, когда мы на парашютах спускались? Нет... Вот и закройся, Козюля. Главное – следов после себя никаких не оставить. Если трупы и найдут, пускай думают, что это дело рук каких-нибудь бандитов или дезертиров. В прифронтной полосе их сейчас полно. Вепрь, столько там времени до радиосвязи осталось? Сорок минут? Добро.

– Бро, а с девкой что делать?

– А то не знаешь, – скабрёзно ухмыляется капитан. – Одно

слово, Путя...

– Тогда я первый, – заявляет тот, кого называли Вепрь.

– Закройся, – обрывает его капитан по кличке Бро и, кри-
вя губы, насмешливо бурчит: – Званием не дорос... – И сле-
дом уже суровым, не терпящим возражения тоном приказы-
вает: – Красноармейскую книжку не забудь взять у мальчиш-
ки.

Глава 2

В апреле – июне 1943 года на юго-западном участке фронта продолжалось относительное затишье. Обе стороны использовали его для выработки стратегических решений и подготовки к активным боевым действиям. В оперативном тылу Центрального и Воронежского фронтов действовали многочисленные агенты германской разведки. Осложнялась сложившаяся на тот момент обстановка дополнительно ещё и тем, что на обширном пространстве орудовали остаточные группы немцев, упорно пробиравшиеся к своим регулярным войскам после того, как их части были разбиты Красной Армией. Попадались и дезертиры, которые скрывались по лесам, не желая гибнуть на фронте.

Но особенно проявляли активную деятельность немецкие агенты-парашютисты, завербованные из бывших советских граждан, согласившиеся добровольно служить Третьей рейху. В большинстве случаев это были солдаты и офицеры, попавшие в самом начале войны в плен. Кто-то из них стал предателем Родины из-за банальной трусости, кто-то являлся отпрыском помещиков, раскулаченных кулаков-мироедов, владельцев небольших предприятий, недобитых белых офицеров, затаившихся до поры до времени, были и другие деклассированные элементы, недовольные Советской властью. Все они окончили разведывательно-диверсионную

школу, где преподавали германские офицеры, крупные профессионалы в своём деле, поэтому представляли большую опасность.

Не далее как третьего дня в лесном массиве в районе деревни Можаровка наша станция запеленговала работу коротковолнового радиопередатчика. Ввиду того, что длина рабочей волны до этого дня не встречалась, и по другим характерным для этой радиостанции признакам сразу же была выдвинута версия: в оперативном тылу фронта начала действовать новая разведгруппа немецких агентов-парашютистов, заброшенная на советскую территорию буквально на днях. По причине отсутствия квалифицированных криптографов в Управлении контрразведки фронта текст радиоперехвата был отправлен в Москву, в Главное Управление контрразведки, для скорейшей дешифровки.

В перехваченных же ранее секретных сообщениях Верховного командования германской армии и секретных директивах Гитлера всё чаще упоминалась операция «Цитадель». 12 апреля на стол Сталина лёг переведённый с немецкого точный текст директивы № 6 «О плане операции “Цитадель”». В директиве говорилось о том, что его целью является окружение и уничтожение советских войск на Курском выступе путём одновременной атаки и прорыва основания выступа с севера на юг.

В тылу двух фронтов был развёрнут Резервный фронт под командованием генерал-полковника И. С. Конева, а также

располагался крупный железнодорожный узел. Поэтому следовало немедленно принять меры к задержанию агентов и незамедлительному пресечению работы передатчика. Для этого первым делом требовалось установить точное место выхода рации в эфир.

* * *

Подпрыгивая на ухабах просёлочной дороги, волоча за собой змеящийся хвост лёгкой белёсой пыли, на околицу Можаровки из леса выскочил армейский тяжёлый внедорожник «Додж WC-52». Американский автомобиль повышенной проходимости имел открытую кабину и цельнометаллический кузов с деревянными откидывающимися скамейками. В войсках этот получаемый по ленд-лизу джип называли «Додж три четверти» из-за своей грузоподъёмности в 750 килограммов ($\frac{3}{4}$ тонны). В машине находилась оперативно-розыскная группа Управления контрразведки Воронежского фронта, состоявшая из трёх офицеров и старшины-водителя.

Старшим группы был капитан Зимарин Иван Петрович. Человек крепкого телосложения, с могучей по-бычьей короткой шеей, к которой крепилась рано облысевшая голова. Выпиравшие вперёд смуглые скулы туго обтягивала изрытая мелкими неглубокими оспинами кожа, посаженные близко

друг к другу глаза, с припухлыми и красными от постоянного недосыпа веками, смотрели сурово и неприступно. Улыбался он крайне редко. Зато когда по его лицу проскальзывала мимолётная улыбка, то на рябых щеках неожиданно для собеседника образовывались трогательные ямочки, что делало его лицо на какое-то время добродушным, даже, можно сказать, беззащитным. Если же Зимарин поворачивал свою породистую голову, то при этом он и сам поворачивался всем корпусом – настолько плотно было сбито его тело. От внешнего вида капитана, от всего его мощного облика исходили уверенность и решительность, которые на окружающих действовали с оглушающей силой, вселяя твёрдую убеждённость, что всё будет так, как сказал этот волевой человек.

Лейтенант Семакин Игорь Валентинович, до того как попасть в контрразведку, был лётчиком-истребителем. За ним числилось тридцать три боевых вылета и семь сбитых самолётов противника. Глядя же на его по-девичьи симпатичное, обветренное от долгого пребывания на воздухе лицо, которое всякий раз покрывалось стеснительным румянцем при разговоре с незнакомым человеком, никто и предположить не мог, что перед ним стоит героический парень. Особенно вводили в заблуждение его насыщенно-голубые, цвета воды глубокого лесного озера, глаза и русый чуб, спадавший из-под пилотки на широкий лоб. Люди чувствовали к Семакину расположение и в беседе рассказывали всё, о чем знали, даже не догадываясь, что этот миловидный офицер испод-

тишка пользуется их доверием, задаёт, казалось бы, самые обыкновенные, ничего не значащие вопросы не просто так, а с потаённым смыслом.

В последнем воздушном бою самолёт лейтенанта был сбит, сам он тяжело ранен, но сумел выпрыгнуть с парашютом, потом выздоровел, но уже летать не мог, комиссовали. Так он и попал в контрразведку. И вот уже больше двух месяцев не только топчет сапогами землю, но и в прямом смысле ползает по ней...

«Рождённый ползать летать не может», – время от времени беззлобно, с душевной простотой шутит над ним старший лейтенант Ерёменко Анатолий Михайлович. Невысокого роста, почти на голову ниже Семакина, хоть возрастом старше него, фигуру он имел на удивление ладную. Стремительный в движениях, он и ходил как-то легко, словно весил не больше двух пудов. От этого шаги его были настолько бесшумными, что при ходьбе, казалось, он земли подошвами сапог не касается. А сапоги были, хоть и офицерские, выделанные из другой кожи, чем солдатские сапоги массового пошива, всё равно довольно тяжёлые. А ещё Ерёменко имел сухощавое, на удивление интеллигентное лицо, узкий нос и пытливо-умные пронзительные глаза с лёгкой прозеленью. В уголках его небольшого рта всё время сохранялись ироничные складки. Наверное, это было профессиональное, оттого, что не совсем доверял незнакомым людям, сомневался в их искренности. И довольно часто так оно и было на са-

мом деле. Из-под сдвинутой набок пилотки торчали короткие тёмные волосы с вьющимся чубом. Однако при всей его невзрачной подростковой фигуре старлей обладал незаурядной силой: рукопожатие было достаточно крепким, хотя ладонь выглядела сухой и узкой. Мало кто знал, что до войны он серьёзно занимался борьбой самбо.

Четвёртым в группе числился водитель – старшина Кулик Капитон Павлович. Ему около пятидесяти, и по возрасту Капитон Павлович был самым старшим. Боевые товарищи к нему так и обращались по-домашнему уважительно: Палыч. Роста старшина был не ахти какого, довольно полноватый, но приземистый. Про таких людей в народе говорят – кряжистый. Движения его были несуетливые, выверенные, какими и должен обладать рачительный хозяин. А ему приходилось не только водить машину, но и заведовать скромным хозяйством, которое находилось в кузове «доджа». Имевший крестьянскую смекалку, Палыч слыл человеком обстоятельным, даже прижимистым. Ко всему этому он и усы носил вызывающе роскошные, как бы невольно подражая самому Семёну Михайловичу Будённому, время от времени солидно разглаживал их зачерствелым указательным пальцем, с хитринкой поглядывал на военных или гражданских лиц, случавшихся находиться в эту минуту поблизости. Одним словом, тот ещё был матёрый человечище.

Въехав в улицу с широко разбросанными хатами, «додж», не сбавляя скорости, двигался по дороге, устланной мягкой

невесомой пылью. По обе стороны дороги до самих палисадников тянулись зелёные луга, густо заросшие муравой, пастушьей сумкой, одуванчиками и другими травами. Когда же на глаза попадались чёрные остовы сгоревших домов с торчавшими полуразрушенными печными закопчёнными трубами, взгляд офицеров становился далёк и туманен, скорбная боль щемила сердце. Обугленные, покрытые вороньим блестящим глянцем брёвна домов выглядели настолько мрачно, словно старые кости, обглоданные неведомым чудовищем.

– Два года как идёт война, а всё никак не привыкну, – с горечью сказал старшина, глазами указывая Зимарину на пожарище. – Как Мамай прошёл, – качнул он сокрушённо головой, тяжело вздохнул и снова уставился на дорогу, хмуро буркнул: – Когда это только всё закончится.

Капитан и бровью не повёл в его сторону, привычно отсекая всё, что не относилось к делу. Всё так же внимательно он продолжал разглядывать уцелевшие дома, палисадники, примыкающие к самым огородам, смешанный лес, зрительно отметил потемневший от дождей и времени старый сруб колодца с возвышающимся рядом «журавлём», на котором болталось склёпанное из жести самодельное ведро.

В практике Зимарина был такой случай, когда они в одном из сёл Воронежской области обнаружили в тайнике, в глубине колодца, немецкий радиопередатчик, шифры и дешифровальные блокноты. Но сегодня надеяться на подобное

везенье было бы глупо и самонадеянно, потому что агенты германской разведки как пить дать сразу же после радиосекретки покинули этот район и теперь находятся от Можаровки в десятках, а то и в сотнях километров. В его задачу на данном этапе входило определить точное место выхода рации в эфир. От этого они и будут танцевать.

Навстречу по лугу тащилась муругого вида костлявая лошадка, на ходу она щипала траву. Прихватывая сочную зелень бархатистыми, обросшими светлыми волосинками мягкими губами, неспешно пережёвывала, щеря зелёные зубы. Лошадь заметно прихрамывала на правую переднюю ногу, отчего телега двигалась неровными толчками.

В телеге сидел, свесив ногу через городушку, мужчина лет сорока пяти. Одет он был в затёртый серый пиджак, тень от козырька низко надвинутой на глаза кепки падала на обросшее щетиной сухощавое лицо. В уголке плотно сжатых губ висела сигарка. Сизый дымок клубился над ездоком.

Увидев приближающийся «додж», мужчина резко натянул вожжи, взволнованно крикнул:

– Тр-р-р, сатана!

Выплюнув сигарку, он проворно спрыгнул на землю и, опираясь на костыли, ловко чикиляя на одной ноге, обутой в хромовый сапог, заторопился наперерез. По всему видно, инвалид был фронтовиком, потерявшим на войне ногу. Остановившись посреди дороги, под мышкой опираясь на костыль, чтобы не упасть, другой рукой он принялся сума-

тошно размахивать костылём, громко кричать:

– Стой! Стой!

– Остановись, – довольно неохотно приказал Зимарин и, досадливо поморщившись, как бы про себя, произнёс: – Чего ему надо?

Капитан не располагал лишним временем, чтобы вступать в пространные беседы с каждым встречным. От того, как сегодня сложатся дела, им предстоит исколесить ещё не один десяток вёрст, поэтому была дорога каждая минута.

Зимарин вышел из машины, разминая после дальней дороги затёкшие ноги, с нетерпением ждал, когда подойдёт одноногий инвалид. Спрыгнули с кузова и Семакин с Ерёмenko, тоже начали разминаться, подначивать друг друга.

– Товарищ капитан! Товарищ капитан! – ещё издали взволнованно заговорил мужчина, тяжело вздымая впалой грудью, то и дело вытирая плечом обслюнявленные губы. – У меня секретарша пропала! Маринка! Ушла с Васькой на свидание и... пропала.

– Вы кто? – сухо спросил Зимарин, живчик под правым глазом у него задёргался от сдерживаемого возмущения.

– П-председатель сельского совета я... Б-Бокарёв Виктор Алексеевич, – зачастил, запинаясь, мужчина, заметно переживая, что его не выслушают. – Васька на побывку прибыл... после ранения. Он до войны шашни крутил с моей секретаршей... Ну, то есть с Маринкой. Вечером ушли миловаться и... пропали. Мы с бабами все сараи в деревне уже обыс-

кали, чердаки и сеновалы облазили, другие потаённые места, где можно... Черти их драли! – выругался зло председатель, нервничая от случившегося. – Я, думаю, может, их убили?.. В лес ушли подальше от людских глаз, чтобы... Ну их и это... – Он выразительно взмахнул в воздухе кулаком, как бы вбивая невидимый гвоздь. – Жалко, – вдруг всхлипнул, расчувствовавшись, Бокарёв, и вытер подушечкой большого пальца повлажневшие глаза. – Молодые ишо совсем...

– Бандитами и дезертирами занимаются манёвренные группы НКВД, к ним и обращайтесь, – холодно посоветовал Зимарин. – Мы вам ничем помочь не можем.

– Как же так?.. – потерянно спросил председатель, часто мигая, с трудом пытаясь сглотнуть подступивший горький ком к горлу. – Они тоже говорят, пока не могут... У них там убийства какие-то произошли... вроде бы всю семью бандиты вырезали. Сколько ждать-то можно?

Зимарин уже занёс ногу на подножку, но вдруг с живостью обернулся.

– Когда, говорите, это произошло?

– Три дня назад, – поспешно ответил Бокарёв и, не заметив, что после его слов офицеры многозначительно переглянулись, порывисто подался вперёд, с надеждой заглядывая в глаза суровому капитану, почувствовав, что он отчего-то колеблется, доверительно сказал: – Ночью... Я склоняюсь к тому, что беда с ними случилась в лесу... Может статья, что ближе к рассвету. Потому что Василию к утру надо было

обязательно быть на полустанке... А он... э-эх! – сокрушённо махнул рукой председатель. – Чего теперь об этом впустую речь вести. Пропали молодые.

Глава 3

Выяснив местоположение домов проживания секретарши и красноармейца, Зимарин сразу очертил предполагаемый район поиска, с твёрдой уверенностью заявил, что на другой конец деревни влюблённые точно не пойдут. А так как председатель с женщинами с дотошной тщательностью обыскали близлежащие сараи, сеновалы, овины и другие места, где могли находиться парень с девушкой, но в результате не нашли ничего такого, что могло бы хоть как-то указать на их присутствие, то следы пропавших молодых людей следует непременно искать в лесу. Свою версию, которая Ерёмченко и Семакину вначале показалась довольно зыбкой, капитан неожиданно объяснил тем, что в лесу влюблённые могут чувствовать себя намного раскованнее и вольготнее, чем таиться на каком-нибудь сеновале, где в любой момент их может, как бы случайно, обнаружить кто-нибудь из любопытных односельчан. А грязные сплетни и домыслы никому не нужны, тем более тем, кто любит по-настоящему, а не встречается для того, чтобы просто перепихнуться...

«Ты гляди-ка, а капитан-то наш – тот ещё волчара, – поразился Семакин столь интимным познаниям Зимарина. – Что по розыску вражеских агентов, что по женской части. А по виду и не скажешь... сухарь сухарём. Неожиданно». – Чтобы скрыть невольную улыбку, лейтенант прикрыл лицо ла-

донью, негромко кашлянул, сказал: – Согласен. Скорее всего, так оно и было на самом деле.

Капитан быстро взглянул на него, очевидно, расслышав в его словах насмешливые нотки, заметно насупился и продолжил:

– Обычно парень заходит за девушкой. Поэтому нам необходимо около её дома, а точнее, у порога найти след его сапог, от чего мы и станем дальше танцевать. Семакин, тебе всё ясно?

– Так точно!

Отпечаток подошвы кирзового сапога долго искать не пришлось, его обнаружили в двух шагах от порога, как Зимарин и предполагал. Офицеры присели на корточки, с чрезмерным вниманием разглядывали углубление от подошвы, оставленное на влажной от росы земле. Отпечатался каблук, а вот передняя часть подошвы пришлась на траву и не была столь заметна.

– Сапог солдатский, массового пошива, размер сорок два – сорок три, – сказал Ерёмченко, покусывая от волнения губы. – Только это мало чего нам даёт.

– Уже неплохо, – буркнул плотный Зимарин, неловко сидя на корточках, отчего его лицо и тугая шея набрякли бурным цветом. – По крайней мере, мы может предположить, в какую сторону они направились. А вот, кстати, и след девушки. Размер туфли где-то тридцать восьмой. Каблук сзади стёрт...

Офицеры поднялись и одновременно посмотрели в ту сторону, куда указывали следы носков, оставленные обувью парня и девушки. От дома до леса было не менее полкилометра и могло быть так, что молодые по дороге свернули влево или вправо и дальше шли уже вдоль лесной кромки. Но в любом случае далеко они уйти не могли и где-нибудь обязательно должны были войти в лес.

– Ерёменко, ты идёшь по левому флангу, Семакин, ты по правому, я посередине. Площадь осмотра каждого по сто пятидесяти метров с каждого бока, общая – триста. Палыч и...

– Бокарёв, – торопливо подсказал одноногий председатель, с почтением наблюдая за действиями военных, стараясь ничего не упустить, внимательно прислушиваясь к их разговору.

– ... и Бокарёв, идут по краю с одной и другой стороны. И тоже смотрят себе под ноги. Чего обнаружите, немедленно докладывать Семакину и Ерёменко, которые будут рядом. Всё понятно?

– Так точно! – непроизвольно вырвалось у председателя, и он привычным жестом вскинул руку к кепке, едва не выронив из подмышки отполированный до блеска деревянный костыль. Настолько за два года войны въелась в него военная дисциплина, субординация, что один только суровый голос старшего по званию немедленно подстегнул его к действию.

Зимарин с уважением поглядел на него, хмыкнул, коротко дёрнув щекой, с которой медленно сходила бурая краска:

– Ну, добро.

Растянувшись цепочкой, мужчины неспешно, совершая зигзагообразные маршруты, двинулись по лугу, руками раздвигали островки особенно густой травы, внимательно вглядывались в землю.

Светлые, с нежной голубизной облака, словно лёгкими штрихами написанные акварелью, плыли высоко в небе. Жёлтое солнце расплавленным янтарём лило вниз сияющие лучи. Пропитанный душистыми травами и луговыми цветами горячий воздух курился лиловым маревом. Жара. Непрерывным звоном стрекотали многочисленные кузнечики, жужжали трудолюбивые пчёлы, невесомо порхали разноцветные бабочки. Вдруг откуда ни возьмись появились огромные злые оводы, очевидно, почувствовав исходящий от людей липкий пот, назойливо стали кружить над головами, норовя сесть на блестящие от плавившегося жира мокрые шеи.

Прошло уже два часа безрезультатного поиска. Зимарин с хрустом выпрямил согбенную спину, огляделся: Семакин и Ерёменко с завидным упорством продвигались вперёд, не поднимая склонённых голов, не отрывая глаз от земли. Широко раскинув руки, с прежним рвением шуршал в траве Палыч, внимательно вглядываясь под ноги. Вид у него при этом был излишне серьёзен и чересчур ответственен, как и всё, что он делал. Бокарёв же ловко скакал на своих костылях, успевая костылём ворошить траву и отмахиваться кепкой от

настырных оводов.

Зимарин вынул из кармана галифе скомканный платок, тщательно вытер распаренное лицо, выпуклый лоб, затем снял фуражку и протёр мокрую изнанку.

– Това-а-арищ капита-а-ан, това-а-арищ капита-а-ан, на-
шёл! Нашё-о-ол! – сквозь вязкую муть раскалённого воздуха
донёлся до него радостный крик Семакина. – След туфли-и-
и нашё-о-ол! Ерёменко-о, ты тоже иди сюда-а!

Зимарин наспех нахлобучил фуражку и заспешил к лесу,
где стоял, широко улыбаясь, лейтенант и призывно махал ру-
кой. Затем он присел, как видно, разглядывая отпечаток сле-
да, и вдруг снова вскочил, словно его подкинуло тугой пру-
жиной.

– И другой здесь след... красноармейца! Точно их следы!
Я ещё там, у дома, зазубринку у него на каблуке разглядел!
Кро-о-ошечная такая!

Зимарин на ходу торопливо вынул из кармана пачку
«Беломорканала», приостановившись, прикурил папиросу.
Пальцы у него мелко подрагивали от охватившего волнения:
такое всегда с ним бывало, когда внезапно возникало пред-
чувствие, что они находятся на верном пути и впереди их
ждут совершенно убойные события, которые и определяют
дальнейший ход расследования.

Опережая его, рысцой пробежал Ерёменко, придерживая
рукой офицерский планшет. Несколько раз, быстро затянув-
шись, капитан далеко отбросил окурок и тоже перешёл на

бег, так не терпелось увидеть обнаруженные Семакиным следы. Отпечатки грубых красноармейских каблуков и более изящных каблуков и носков от туфель девушки в этом месте располагались напротив друг друга в такой близости, что не надо быть опытным розыскником, чтобы понять, чем здесь молодые занимались.

– Обнимались и целовались, – озвучил общую мысль Ерёмченко, как только взглянул на следы, оставленные на влажной земле под низко свисавшей сиреневой веткой. – Девушка на голову меньше парня, – сказал он и указал пальцем на отпечаток носка, вдавившегося значительно глубже, чем остальная площадь подошвы. – Становилась на цыпочки, чтобы достать... его губы. – Он затаённо вздохнул и кончиком языка украдкой облизал свои, с выцветшей потрескавшейся кожей.

– Даже больше скажу, – кивнул, соглашаясь, Семакин. Он стоял, наклонившись над следами, опираясь ладонями на полусогнутые колени. – Всё это произошло, как только они сюда подошли от дома. – Он повернул голову к деревне и глазами определил предполагаемый путь. – А потом они вошли в лес.

Лейтенант выпрямился, быстро огляделся и, заметив вывернутые матовой изнанкой тяжёлые от ночной росы листья сирени, которые в таком положении и остались после того, как сквозь упругое их скопление прошли люди, торопливо шагнул туда и руками широко раздвинул ветки. Между ста-

рыми коряжистыми и шершавыми стволами сирени тянулась еле видимая в высоком разнотравье узкая тропинка. На примятой солдатскими кирзовыми сапогами траве валялись несколько упавших с кустарника свежих листиков с оторванными хрупкими корешками.

– Что и требовалось доказать, – не скрывая торжествующих ноток, сказал Семакин и через плечо оглянулся на Зимарина, перевёл взгляд на Ерёменко.

Окинув ещё раз взглядом следы, надолго запечатлевая картинку в уме, Зимарин подошёл к Семакину.

– Что тут у нас? Та-ак, та-ак. Понятно.

Аккуратно ступая на подошвы офицерских сапог большого размера, стараясь не затоптать обнаруженные улики, капитан гусиным шагом двинулся по тропинке в глубь леса, пристально вглядываясь под ноги. Семакин и Ерёменко с медлительной расчётливостью шли за его широкой спиной, так же сосредоточенно поглядывали по сторонам, отмечая самые незначительные детали, которые безмолвно говорили о недавнем присутствии здесь двух человек. Председатель сельского совета, любопытствуя, тоже увязался за ними, неловко прыгая на одной ноге, задевая своими костылями упругие кусты.

Палыч же, переживая за вверенную ему технику, не медля ни минуты, скорым шагом вернулся к машине, где сразу же принялся деловито пинать шины, осматривать «додж» на предмет выявления каких-нибудь технических неисправно-

стей, помня суровый приказ Зимарина о том, чтобы «американец» всегда был на ходу.

Под густой и мрачной сенью деревьев следы влюблённой парочки были хорошо заметны на влажной земле, и вскоре розыскная группа вышла к сосне. Здесь трава была примята основательно, усыпанная возле комля коричневой корой, похожей на луковую шелуху.

– Вот и конечная точка их пути, – сказал Зимарин, внимательно разглядывая скрытое от любопытных глаз место лесного свидания. – Здесь они лежали... миловались. Отсюда, с большей вероятностью, и домой пошли. Но почему-то не по той дороге, по которой пришли. Там же короче.

– Думаю, не очень-то и расставаться им хотелось, – предположил Семакин. – Вот и решили чуточку удлинить путь... Время, наверное, позволяло. Значит, рассвет ещё не совсем наступил. Думаю, было что-то около двух часов.

Ерёменко после слов лейтенанта о том, что молодые специально тянули время, хотел что-то сказать. Он съёжил было губы в улыбке, но, бросив косой взгляд на капитана, мигом определил по его озабоченному лицу, что в данной ситуации тот шутки не потерпит, тотчас потушил в своих глазах весёлый огонёк. Посуровев лицом, сказал:

– Я согласен с Семакиным.

Болезненно морща губы, интуитивно предчувствуя обнаружить впереди нечто ужасное, Зимарин окинул офицеров хмурым взглядом, на минуту задержал его на председателе.

– А вам, товарищ Бокарёв, лучше под ногами у нас не путаться, – сказал он увесисто, как отрубил, чтобы отбить у председателя всякую охоту лезть к нему с глупыми вопросами. – Оставайтесь здесь, мы вас позовём, когда потребуется.

Фронтвик без лишних слов разместился у сосны, подложив под себя костыли. Согнув здоровую ногу в колене, удобно вытянув протез, он достал из кармана пиджака засаленный кисет, поплюнявив, не спеша свернул из жёлтого клочка газеты сигарку, набил её самосадом и от души пыхнул сизым клубом дыма. Привалившись спиной к прохладному стволу с янтарными потёками пахучей смолы, Бокарёв с благодушным видом покуривал, с интересом наблюдал за действиями офицеров.

Расположившись друг от друга на расстоянии полутора-двух метров, они, как и давеча на лугу, принялись усердно искать следы, другие улики, чтобы точно определить, в какую сторону отсюда направились Василий и Марина.

– Есть! – воскликнул Ерёменко, наткнувшись за кустами орешника на тропинку, которая, судя по пожелтевшим травинкам, глубоко вмятым в землю, была протоптана в этом месте приблизительно неделю-полторы назад. Это как раз соответствовало количеству суток, проведённых красноармейцем на родине. Сквозь деревья виднелась белёная хата, стоявшая на отшибе. Внезапно старший лейтенант выпрямился и недоумённо закрутил головой по сторонам. – Следы обрываются, товарищ капитан. Дальше их нет. Вообще нет.

Они хоть и едва заметны, но точно принадлежат разыскиваемым нами людям.

– Что значит нет? – тотчас спросил, слегка опешив, Зимарин и быстрым шагом направился в его сторону.

– А то и нет. Как будто они с этого места в воздух поднялись... И улетели в неизвестном направлении... аки ангелы.

– Твои шуточки сейчас неуместны, старлей, – оборвал его красноречие Зимарин.

Он подошёл и тоже с недоумением уставился на еле видимые в траве отпечатки, словно их специально затирали каким-то неизвестным предметом. С трудом покрутив напиткивавшейся бурой кровью могучей шеей, как будто воротник вдруг стал ему тесен, капитан в секундном замешательстве отвесил нижнюю губу. Затем он вынул из кармана платок, расстелил его на траве, снял с себя планшет и положил рядом. Став на них коленями, оттопырив ядрёный, туго обтянутый галифе зад, принялся пристально рассматривать травинки, перебирать сквозь пальцы. Поелозив на коленях в радиусе двух метров, Зимарин наконец нашёл то, что искал. Он тяжело, словно старик, опираясь ладонью в землю, поднялся и показал замершим в тревожном ожидании Ерёменко и Семакину узкий, размером с две сложенные вместе спички, листик от какой-то травы. То, что капитан ползал на коленках, у молодых офицеров не вызвало ни капли удивления, потому что в поисках улик и вещдоков им самим не раз приходилось ползать едва ли не на животе и в такой грязи, ко-

торую не видели даже самые зачуханные поросята. Это были издержки их профессии контрразведчиков, столь необходимой сейчас для защиты Родины.

– Кровь, – вопросительно-утверждающе сказал Семаков, разглядев крошечное коричневое пятнышко на оторванной травинке, и сам себе ответил: – Значит, точно парня с девушкой убили. Но кто? – Он резко, до хруста в шейном позвонке, вскинул голову, уставил немигающий потемневший взгляд в бордовое от пота лицо капитана. – Неужели агенты, которых мы разыскиваем?

– Это мы узнаем точно, когда обнаружим трупы девушки и парня, – глухо ответил Зимарин, надевая на себя планшет. Затем поднял с травы платок, вывернул его озеленённой изнанкой внутрь и, беспечно скомкав, сунул в карман. Поправив ремни португали, туго перетягивающие широкий заслон его груди, взглянул прищуренными глазами на Семакина и Ерёменко, сказал твёрдо: – А обнаружить трупы мы должны обязательно. Кровь из носа... но мы должны быть уверены, что это сделали разыскиваемые нами агенты-парашютисты... или бандиты, дезертиры или ещё какие-то гады. Одним словом, парни, нам предстоит обыскать каждый кустик, каждую травинку, чтобы найти место, где их закопали. Даже по одному этому мы сможем понять, кто это сделал. Бандиты, как вы понимаете, особо не станут церемониться, прятать концы... да и дезертирам валандаться с похоронами не с руки. Приступайте!..

Каждый из контрразведчиков понимал, что надеяться можно только на себя, поэтому без лишних вопросов, не медля ни секунды, тотчас занялись своими непосредственными обязанностями.

Семакин как самый молодой и гибкий, отойдя от тропинки на несколько шагов, присел на корточки и так по-утиному передвигался, ворошил руками травы, ощупывал дёрн. Ерёмченко же использовал свою методику: делал шаг, становился коленями на пружинящий пучок свежесорванной травы, а затем со скрупулёзной тщательностью исследовал данный участок в радиусе раскинутых рук. Зимарин вначале присел на корточки; отдуваясь и шумно дыша, враскоряку с трудом преодолел полтора-два метра, а потом, чертыхнувшись, опустился на четвереньки и в таком положении двинулся вперёд, с чрезмерным вниманием разглядывая всё, что встречалось на пути.

Он и обнаружил в стороне от тропинки практически невидимый на серой земле толчёный чёрный перец. Прихватив щепотью крупинки вместе с землёй, капитан высыпал всё это на свою широкую, с потрескавшейся грубой кожей ладонь.

– Парни, – негромко окликнул он товарищей, охотно присел на поджатые ноги; сипло дыша, сказал: – Нет сомнений, что мы взяли верный след. Это только агенты абвера используют перец, чтоб сбить собак с толка... А мы волкодавы. – Зимарин, довольный первой удачной находкой, хмыкнул. Правая щека, натянув смуглую изрытую мелкими оспи-

нами кожу на скуле на мгновение вспухла и тотчас приняла прежний вид. – Не расслабляться, – повысил голос капитан. – Тут как в детской игре... теплее, теплее, тепло, горячее, горячо, совсем горячо...

– Горячо, товарищ капитан! – неожиданно воскликнул чрезвычайно взволнованный Ерёменко, который лежал плашмя на траве, высматривая что-то под кустами цветущей жимолости, разросшейся в сырой низинке. – Совсем горячо!

Подпрыгивающей рукой он вынул из ножен на ремне финский нож, подковырнул влажный дёрн с жёлтыми цветами едкого лютика, сгрёб траву в горсть, словно схватил противника за волосы... и легко поднял дёрн размером двадцать на двадцать сантиметров. Отбросив его в сторону, Ерёменко уже без помощи финки, без особого труда отковырнул следующий кусок дёрна. В ноздри ему тотчас ударил пряный запах сырой земли с перепревшими корнями и спёртый запах уже начавших разлагаться трупов. Контрразведчик увидел верх застёжки грязной туфли и часть ноги чуть выше колена, дальше скрывал дёрн, аккуратными плотными рядами со знанием дела положенный сверху на убитых молодых людей. Сбоку из грязи торчала кисть мужской руки со скрюченными смуглыми пальцами.

Ерёменко хоть и ожидал увидеть нечто подобное, но вид женской некогда изящной светлой ноги с ползающими по грязной коже сороконожками и присосавшимися мелкими пиявками подействовал на него настолько ошеломляюще,

что он невольно отпрянул. Выбравшись из-под кустов, старший лейтенант поднялся на ноги, с состраданием на побледневшем, как-то сразу осунувшемся лице поглядел на подошедших товарищей.

– Там они, – кивнул он в сторону цветущей жимолости, словно в издёвку, густо усеянную вызывающе красивыми удлинёнными розовыми лепестками. – Дело рук агентов... Профессионалы работали. Нелегко будет их найти.

Приподняв ветки, Зимарин заглядывал в кусты, не оборачиваясь, с вызовом ответил:

– Ну, это мы ещё посмотрим...

Возиться с трупами – занятие не из самых приятных, по правде сказать, даже отвратительное. Контрразведчики хоть и прошли все ады жестокой войны, немало повидали за эти годы смертей, но так и не смогли окончательно избавиться от непреодолимого чувства невольной жалости к безвинно убитому человеку. Поэтому они трудились с молчаливой сосредоточенностью, стараясь не смотреть в обезображенное муками лицо девушки, у которой даже после смерти глаза оставались открытыми, засыпанные землёй. Раскидав дёрн, офицеры осторожно перенесли трупы Василия и Марины на крошечную полянку, положили рядом на траву.

Зимарин поправил у девушки задранное до подбородка платье. Судя по расцветке и продававшемуся до войны материалу, цветастое платье, очевидно, считалось у Марины выходным и надевалось только по большим праздникам, чем

для неё и являлось свидание с кавалером.

– Изнасиловали, прежде чем убить, – глухим, утробным голосом проговорил Зимарин, пепельные, слинявшие губы у него подрагивали, в глазах застыла невысказанная печаль. – А потом просто свернули шею... Несомненно, тут отметились квалифицированные агенты абвера. И почерк бить ножом, как бы исподтишка, но в жизненно важные органы их... Сильная агентурная подготовка. Не исключено, что они уже бывали на нашей территории... и думаю, что не раз... Ладно, оставим пока свои преждевременные выводы... Давайте, парни, искать место, откуда они могли выходить на связь. Тогда прояснится многое. Ерёменко идёт вправо, а ты, Семакин, влево.

Капитан взмахом руки в воздухе очертил район поисков и первый шагнул в глубь леса, снова то пристально вглядываясь под ноги, то внимательно разглядывая деревья и кусты. Лейтенант со старлеем направились каждый в свою сторону. Прошло ещё часа два – два с половиной, когда офицеры вернулись опять на тропинку.

– Товарищ капитан, – бессильно развёл руками Ерёменко, виновато поглядывая на Зимарина, – даже и намёка нет на то, что агенты выходили отсюда.

– У меня тоже ничего нет, – сказал, пожав плечами, Семакин. – Что-то здесь не сходится. Какая-то непонятная загогулина вырисовывается.

– Загогулина, говоришь? – переспросил Зимарин, покусыва-

вая губы, о чём-то усиленно раздумывая, двигая разлатыми бровями. – Ну-ка, пошли... Сдаётся мне, что они... Сейчас выясним... – Широким шагом, торопясь, заплетаясь ногами о спутанные низкорослые травы, с силой обрывая сапогами зелёные плети, он направился назад по тропинке.

Вскоре офицеры вышли к сосне. Председатель сельсовета спал, свесив голову на плечо. Устав за несколько суток беспочвенных поисков пропавших сельчан, разморённый свежим, настоящим на лесных травах и смолистой хвое воздухе, он сладко посапывал. Выроненная из ослабевших пальцев сигарка валялась возле протеза, вверх, извиваясь, поднималась тоненькая струйка голубого дымка. Заслышав шуршащие по траве шаги, Бокарёв с усилием приподнял голову, посмотрел на подходивших военных затуманенным взглядом. Определив по их торопливой походке и по серьёзной мимике на лицах, что произошло нечто важное, он взволнованно приподнялся, опираясь на костыли.

– Неужели нашли? – спросил, проглотив вздох, председатель, переводя свой уже осмысленный взгляд с одного на другого. – Где они?

– Там, – кивнул Зимарин себе за спину. – На полянке.

Налегая на костыли, Бокарёв спешно запрыгал по тропинке в указанном направлении. Через минуту выскочив из-за кустов жасмина на поляну, он увидел лежавшие на траве трупы Василия и Марины. Одежда на них была густо вымазана в грязи. Сбавив ход, мужчина дальше двигался с трудом, как

будто шёл против ветра. Остановившись возле мёртвых тел молодых односельчан, председатель порывистым жестом сорвал с головы кепку, комкая её в кулаке, замер, со щемящей болью в груди глядел на парня и его зазнобу, не зная, как донести печальную весть до их родителей. По его щетинистым, испещрённым глубокими морщинами впалым щекам текли скупые, злые слёзы. Смотреть на то, как плакал бывалый фронтовик, было страшно.

Проводив его вызывавшую страдания и жалость одноногую фигуру тяжким сочувственным взглядом, Зимарин запрокинул голову, разглядывая толстые сучки и разлапистые ветки на сосне.

– Семакин, – сказал капитан, – залезь наверх и как следует огляди каждый сантиметр ствола. Не упusti ничего... сам понимаешь.

Уже догадываясь, что следует искать, Семакин аккуратно наступил подошвой сапога на скрещённые товарищами руки и, упруго подкинутый ими, ловко ухватился за толстый сук. Подтянувшись, забрался на него и, держась за ветки, принялся тщательно изучать кору, осторожно передвигаясь на высоте метров трёх-четырёх. Обнаружив в одном месте оголённую часть ветки, с которой какая-то неведомая сила сорвала липкие от смолы острые иголки, опасно балансируя, лейтенант присел и сейчас же заметил небольшую царапину. Это был зацеп от проволочной антенны радиопередатчика, забрасываемой засланными агентами абвера с помощью гру-

зила на дерево.

– Есть, товарищ капитан! – обрадованно выкрикнул Семакин, чуть не свалившись вниз. – Здесь они выходили... точно! А место выбрали из-за того, что тут уже была трава сильно примята... Думали перехитрить нас.

– Слезай, Семакин, – усталым голосом попросил Зимарин, с облегчением вытирая скомканным платком покрасневшее лицо. – Начало есть. Молодчина.

Польщённый словами опытного «волкодава» лейтенант, демонстрируя мальчишечью удаль, повис на руках и ловко спрыгнул на землю. Он хоть и отбил слегка ноги, прыгая с такой высоты, но виду не подал, с улыбкой выпрямился, деловито отряхнул ладони.

– Сейчас в отдел? – понимающе осведомился он.

– Ну да, ну да, – ответил рассеянно Зимарин, находясь мыслями уже в другом месте.

Глава 4

Отдел Управления контрразведки фронта размещался в бывшем сельсовете леспромхоза. До войны в крупном посёлке велись заготовительные работы леса для нужд советского народного хозяйства. Во время военных действий производственные цеха сгорели. После того как Красная Армия перешла в наступление и освободила большую часть Курской области, леспромхоз начал восстанавливаться невиданными доселе темпами: для фронта срочно требовались в огромном количестве строительные материалы для возведения мостов, блиндажей, землянок и других жизненно необходимых на войне вещей.

Рубленое здание сельсовета, построенное из крепких сосновых брёвен с жёлтыми потёками смолы на стенах, чудом не затронутое пожаром, охраняли автоматчики. У высокого крыльца с резными балясинами стояли «додж», «виллис» и грузовая полуторка.

В просторном зале, где раньше проводились производственные совещания, а теперь располагался отдел контрразведки фронта, находились сам начальник отдела подполковник Черкасов Николай Васильевич, капитан Зимарин, лейтенант Семакин и старший лейтенант Ерёменко.

Створки окон были плотно закрыты на шпингалеты, предусмотрительно задёрнуты занавески. Но даже сквозь ли-

нялые цветные занавески в комнату проникал солнечный свет, отражался замысловатыми серыми тенями на полу, на стенах, на потолке. Ни ветерка, ни свежего воздуха сюда не проникало, отчего в помещении стояла невыносимая духота. Офицеры уже третий час вдумчиво и планомерно намечали план предстоящей операции по розыску новой разведывательно-диверсионной группы квалифицированных агентов германской разведки.

Подполковник Черкасов, опираясь на кисти рук, монолитной глыбой возвышался над столом. Разглядывая топографическую крупномасштабную карту, не замечая за собой, он меланхолично постукивал по ней пальцами. Щуря глаза, отягчённые набухшими кожаными мешками, подполковник ткнул указательным пальцем в то место, откуда радиостанции выходила в эфир. Потом медленно, не сводя взгляда с пальца, провёл по карте в сторону рокады, где проходила, извиваясь змейкой, просёлочная дорога.

– До неё отсюда восемьдесят километров, – сказал он гулким, рокочущим басом. – Это наикратчайший путь до означенной дороги. Но не факт, что они выбрали этот маршрут. Даже, скорее всего, не пошли в этом направлении, а избрали более длинный путь, чтобы схитрить. А там сели на попутную машину... В общем, сами понимаете. У нас в оперативном тылу находится крупный железнодорожный узел и город Обоянь. Думаю, туда они и направляются. Пока им передавать нечего. На то, чтобы собрать некоторые сведения о

движении эшелонов и переброске наших войск... Это займёт минимум дня три-четыре. Поэтому как можно скорее необходимо пресечь разведывательную деятельность новой группы. Сколько людей может погибнуть в результате их шпионской деятельности.

– Ну, то, что они уже покинули лесной массив, это понятно, – согласился Зимарин, привычно хмурясь и покусывая обветренные губы. – Разыскивать неизвестно кого в городе и на станции – дело практически бесперспективное... Но необходимое, – опережая возражения подполковника, быстро поправился он. – Я вот о чём подумал. Передатчик они вряд ли забрали с собой, уж больно накладно с ним добираться до станции или до города. Тем более если они впервые у нас. Всюду патрули, проверка документов... Скорее всего, они спрятали его в лесу. Поэтому, как вы, товарищ подполковник, правильно заметили, агенты непременно снова посетят лесной массив... Это уж как пить дать. Одно плохо, тайник мы не знаем, где находится, а то бы устроили засаду. Судя по тому, что мы обнаружили на месте убийства парня с девушкой... Если взять во внимание, как с ними расправились, как закапывали под кустами, как маскировали дёрном, как следы за собой уничтожали, то незначительное время, за которое они успели управиться с уликами да ещё выйти в эфир, было диверсантов трое-четверо. Ну и самый безопасный вид их одежды, чтобы никто не заподозрил, естественно, это форма военнослужащих. Сами понимаете, так затерять-

ся среди военных намного проще. Гражданских лиц сейчас на освобождённой территории не так уж и много, деревни почти вплотную друг от друга находятся, можно сказать, что все сельские жители между собой давно знакомы... Сразу бы чужаков вычислили...

– Так-то оно так, – покивал головой Черкасов. – Но не надо забывать, что и беженцев сейчас много.

– Давно живущих здесь беженцев соседи уже в лицо знают, – не согласился Зимарин. – Вряд ли опытные агенты стали бы рисковать. А там... всё может быть.

Подполковник откачнулся от стола, прошёлся по залу, заложив руки за спину. Остановившись у окна, двумя пальцами приподнял уголок занавески, насупив брови, поглядел на улицу. Грузённый свежими сосновыми досками трёхосный «студебеккер», тяжело рыча, окутанный чёрными клубами дыма, грузно переваливаясь с боку на бок, медленно двигался по разбитой дороге.

Зимарин, сняв фуражку, платком вытирал свою блестящую от пота лысину, бросал выжидательные взгляды на Черкасова. Ерёменко и Семакин, всё это время внимательно слушавшие разговор, но сами не проронившие ни слова, тоже поглядывали на подполковника с волнением. Распаренные от духоты лица у них цвели нездоровым румянцем.

Проводив глазами студер, Черкасов опустил занавеску, повернулся. Задумчиво пройдясь по залу, остановился у стола, вновь уперся исподлобья угрюмым взглядом в кар-

ту. Дробно побарабанив по ней пальцами, поднял голову, прищуренными глазами оглядел офицеров, остановив свой взгляд на старшем группы, спросил:

– Иван Петрович, какие будут конкретные предложения по реализации плана?

Зимарин заметно подобрался, кожей чувствуя всю серьёзность поставленного вопроса. Глубоко вздохнул, раздувая заросшие волосами тёмные ноздри, словно набирал в лёгкие побольше воздуха, ответил:

– Думаю, надо ещё раз осмотреть местность вокруг выхода радиостанции в эфир. Должны же они оставить хоть какие-то следы. Надежды, конечно, на это мало, но чем чёрт не шутит... Потом надобно расспросить оставшихся в деревнях жителей, может, кто случайно видел подозрительных военных?.. Или просто людей... Далее надо побывать на узловой станции, ознакомиться с охранительным режимом. Узнать, не видели ли они кого-то подозрительного, кто недавно появился на станции или в районе станции. Не мешало бы и в Обоянь съездить, прокатиться по городу, посмотреть ситуацию на месте. Думаю, что диверсанты разделились на две группы. Одна направилась в город, другая на железнодорожный узел. Скорее всего, они и на дорогу выходили из лесного массива порознь, чтобы не так заметно было. Эти вопросы надо прояснить без промедления. За сутки, думаю, успеем. А потом устроим засаду в лесу... визуальное наблюдение. На связь им выходить надо? Надо. Кое-какие сведения они обя-

зательно соберут... Тут мы их и встретим.

Черкасов задумчиво пожевал губами, как будто пробовал его слова на вкус. И, видно, они пришлись не совсем ему по сердцу, болезненно поморщился, но тем не менее ответил положительно:

– Добро. Подкину тебе ещё пяток человек для наблюдения. И вот что ещё... предлагаю мероприятие по разоблачению и задержанию особо опасных агентов германской разведки условно назвать «Призраки»...

– Подходящее название, – охотно согласился Зимарин, оживившись. – Они и есть призраки на самом деле. Неожиданно появились и неожиданно исчезли. – И он от удовольствия несдержанно поцокал языком. Но под строгим взглядом подполковника быстро придал своему лицу озабоченный вид, вскинул руку к фуражке: – Разрешите идти?

– Идите, – кивнул Черкасов и устало махнул широкопалой кистью, словно перекрестил их на доброе дело.

Ерёменко и Семакин козырнули, следом за Зимариным торопливо направились к выходу. Незаметно покосившись на подполковника, молодые офицеры со щемящей болью отметили, что его рослая, слегка согбенная фигура как будто ссутулилась ещё больше, словно на начальника контрразведки сегодня свалилась непосильная ноша. Хотя за войну таких нош было достаточно много, пожалуй, набралось бы не на один десяток тонн. Выдержал бы.

В лесной массив под Можаровку контрразведчики прибыли в сумерках. Ночевать решили на опушке, чтобы с раннего утра заняться делами. Костёр разжигать не стали, тепля надежду, что могут вдруг объявиться агенты-парашютисты, довольствовались сухим пайком. Расположившись на плащ-палатках, офицеры, наскучавшись по мирной жизни, до полуночи слушали, как разорялись в кустах соловьи, пели в траве лесные сверчки, и время от времени где-то в дремучей чаще хрипло кричал старый сыч. Полная луна лила сверху голубую стылую синь, от которой на душе почему-то было беспокойно.

Когда пахнувший из лесной глубины свежий ветер донёс до опушки запах сырости и цветущей тины, Ерёменко встрепенулся: опираясь на локоть, приподнялся, сипло втянул воздух и задумчиво проговорил:

– Болотом пахнет...

– Тишкино болото... называется, – сказал Зимарин, зевая так, что было слышно, как у него хрустнула квадратная челюсть, и, укрываясь с головой в плащ-палатку, перевернулся на бок. – Километра два отсюда... Спите, – буркнул он, засыпая. – Завтра будет не до отдыха.

– Ну, это само собой, – всё так же раздумчиво произнёс Ерёменко. – Будет не до от-ды-ха...

Внезапно капитан откинул край брезентового плаща, порывисто сел, опираясь позади себя на руки. Повернувшись всем корпусом, неловко избоченив голову, спросил:

– Думаешь, парашюты они в болоте утопили?

– Такой вывод сам напрашивается.

– Ёлки-метёлки, – воскликнул озабоченно Зимарин. – Точно! К бабке не ходи!

Взволнованный вновь открывшимися обстоятельствами, он, шурша брезентом, вынул папиросы, прикурил, скрывая слабый огонёк спички в пригоршне. Несколько раз глубоко, от души затянулся, предусмотрительно выпустив тугую струю дыма в край плаща, чтобы табачный запах далеко не разносился, рассеялся на месте.

Семакин лежал, закинув руки за голову. Быстро приподняв голову, сверкая белками глаз с одного на другого, с присущим ему юношеским задором, с надеждой произнёс:

– Если повезёт, может, и следы найдём.

– Держи карман шире, – сейчас же ответил Ерёменко, не упустив возможности в очередной раз подтрунить над товарищем, к которому относился с отеческой заботой и любовью, хоть и был старше него всего лишь на девять лет. Ерёменко был в семье единственным ребёнком и всегда мечтал о брате. В лице Семакина он наконец-то нашёл себе близкого родственника, считал себя в ответе за него. – Тоже мне следопыт...

Хоть и приходилось контрразведчикам последние годы

спать урывками, стало не до сна. Не успел на востоке забрезжить ранний рассвет, как они уже были на ногах.

Плеснув из фляжки прохладной воды в пригоршню, Зимарин сполоснул лицо, тугую шею, вытираясь платком, сказал:

– Парни, повнимательнее. Обращайте внимание на каждую мелочь. Даже, казалось бы, на первый взгляд самую незначительную. Кровь из носа, но парашюты надо найти.

Он закинул на плечо ППШ. На ходу поправляя ремешок фуражки под подбородком, широким шагом направился в глубь леса. Придерживая автоматы на груди, следом заторопились Семакин и Ерёменко, упруго ступая по утренней сочной траве.

Обильная роса мочила голенища, капала с листьев за шиворот, пятнала тёмной влагой гимнастёрки. Через полчаса Семакин почувствовал под ногами зыбкую почву, из-под сапог выступила вода, в лицо ударил острый запах перепревших водорослей, тины.

– Товарищ капитан, – глухим голосом сказал он, боясь тревожить устоявшуюся раннюю тишину, – болото начинается.

У тяжеловесного Зимарина под сапогами тоже захлюпало, он остановился. Вглядываясь вокруг себя в белёсую туманную сырость, низко пластавшуюся над низиной, поросшей редкими кривыми берёзками и молодой ольхой, негромко распорядился:

– Идём краем болота... Вы налево, я направо в сторону рокады... Если что-то обнаружите, подайте знак...

Капитан ещё долго слышал за спиной чавкающие звуки отдалявшихся шагов Семакина и Ерёменко. Потом они стихли, и остался только хлюпающий шум собственных шагов. Он прошёл уже километр, а ничего похожего на то, что здесь были люди, не обнаружил. Девственно нетронутой сохранялась вокруг природа: слабо колыхались на ветру листья молодых берёзок, свистела какая-то мелкая птичка с бордовой грудкой, порхая с ветки на ветку засохшей, с коричневыми трупными листьями корявой ольхи, да время от времени сбоку неожиданно среди сырых травянистых кочек лопались в воде мутные пузыри.

С опаской поглядывая на трясину, под которой находилась бездонная жуткая глубина, Зимарин уже подумал о том, что они с Ерёменко просчитались, как внезапно до него донёсся отчаянный свист вальдшнепа. И сразу же за ним раздался шум крыльев. Это был условный знак. Капитан приложил к губам сложенные рупором ладони и ответил:

– Ти-и-ису-а-а!

Повернулся и расторопно зашагал на призывный свист контрразведчиков. Пока дошёл, Семакин с Ерёменко успели извлечь из трясины грязные, упакованные в чёрные чехлы парашюты. Их было четыре штуки, собственно, как они изначально и предполагали. Тщательно осмотрев на месте парашюты, контрразведчики сделали определённые выводы:

ничего лишнего у агентов абвера с собой не было, только оружие, портативный радиопередатчик, запасные батарейки и, конечно, поддельные чистые бланки всевозможных документов с печатями.

Зная о том, что немецкие парашюты имели чрезмерную вертикальную скорость, так же сумели разыскать и место их приземления. Но ни отпечатков обуви, ни ещё каких-либо улик и вещественных доказательств там обнаружено не было. Но, даже имея столь скудные, по меркам обывателя, сведения, взяв во внимание место приземления, место, где было спрятано снаряжение, место убийства красноармейца и секретарши, контрразведчики смогли очертить с точностью до километра район выхода агентов-парашютистов на просёлочную дорогу, где они и сели на попутную машину. До рокады они добирались, явно разделившись по два человека, чтобы не привлекать к себе пристального внимания со стороны, очевидно, так и разъехались: двое в городок Обоянь, двое на железнодорожный узел.

Опросы жителей в самой Можаровке и двух близлежащих деревенек Булгаковские Выселки и Заболотские Выселки, как и следовало ожидать, ничего нового по делу не дали. Никто из сельчан, которых и осталось-то всего на три деревни два десятка человек пожилого возраста вместе с калеками, не видел здесь ни военных в советском обмундировании, ни чужих людей в гражданской одежде. Была, правда, слабая надежда на то, что кто-нибудь из них мог в лесу

случайно встретить какие-нибудь подозрительные личности, но тоже не оправдалась, так как ходить в лес местные жители опасались. Собственно, и предполагаемый контрразведчиками маршрут агентов-парашютистов проходил далеко от деревень. Но в розыском деле, как известно, мелочей не бывает, всё необходимо проверять и перепроверять не один раз, чтобы выйти на след шпионов.

Побывала в этот день оперативно-розыскная группа Зимарина и в Обояни. Часа два они бестолково колесили на «додже» по пыльным, забитыми частями и военной техникой улицам и переулкам, старательно приглядываясь к солдатам, сержантам и офицерам, тщетно надеясь распознать в них по некоторым косвенным признакам людей, вызывающих подозрение. Только легче иголку найти в стоге сена, чем здесь обнаружить призрачных агентов, не имея ни одного, даже словесного, на них портрета.

Уже под убыль долгого летнего дня контрразведчики отправились на железнодорожный узел выяснить режим. Строгий охранительный режим станции соблюдался беспрекословно: в воздухе постоянно барражировали истребители, в разных местах располагались полтора десятка зенитных орудий, прибывающие и убывающие военные и гражданские лица находились под круглосуточным наблюдением патрулей военной комендатуры, отделений госбезопасности и транспортной милиции. Пребывание на станции длительное время постороннего лица органы, осуществляющие охранитель-

ные меры, заметили бы сразу. Следовательно, если агенты и вели систематическое наблюдение за движениями эшелонов, то делали это из укрытия, расположенного от станции на расстоянии не больше километра или полтора. Это если взять во внимание, что у них имелся мощный бинокль. В противном случае агенты находились и вовсе рядом.

Незамедлительно требовалось в эту же ночь устроить в лесном массиве в районе Можаровки засаду, наблюдение за проезжей дорогой и принять все меры к задержанию агентов во время их явки для выхода в эфир. А в том, что они должны в самые ближайшие сутки выйти на связь, сомнений не было.

Глава 5

Двое суток контрразведчики и прикомандированные к ним пятеро красноармейцев бесцельно просидели в засаде. По дороге бесконечным потоком двигались полуторки с бойцами, крытые брезентом «катюши», шли маршевые роты молодых, ещё не обстрелянных юнцов, одетых в новое обмундирование. Проходили, гремя траками и ревя мощными моторами, танки КВ-1 под весом которых заметно дрожала земля. Чуть запоздало достигая места засады, тряская дрожь чувствительно отдавалась в плотно прижатой к земле груди. Обгоняя, по обочине стремительно двигались Т-34, густо облепленные автоматчиками на брони, словно виноградными гроздьями. Заволакивая колонны, клубилась, перетекала серая пыль. Сквозь несмолкаемый шум, нестройный топот нескольких десятков тысяч сапог, лязг железа и звуки множества моторов оттуда доносились громкий смех, шутливые возгласы и крики команды.

Глядя в бинокль на весёлые, улыбающиеся смуглые лица красноармейцев, опалённые жарким солнцем, покрытые белёсой невесомой пылью, не отмеченные пока тяготами и ужасами войны, Семакин с непереносимой болью в душе думал о том, что сегодня эти парни живые, полные надежд и отчаянной решимости героически вступить в схватку с врагом, завтра могут легко стать мишенью, пасть под непредви-

денными бомбёжками дальнотойной артиллерии и авиации, потому что они с Зимариным и Ерёменко не сумели вовремя обезвредить немецких агентов-парашютистов, которые дали координаты на цель.

Уже под вечер третьих суток от двигавшихся по просёлочной дороге поредевших колонн отделились две фигуры в военной форме и резво побежали к лесу, суматошно размахивая руками. Семакин настороженно покосился в бок, где за дальними кустами бузины лежал старший группы, и увидел, как капитан подал рукой знак, означавший «всем приготовиться». Но это были бойцы из сапёрной роты. Они наспех, то и дело оборачивались назад, словно переживали, что товарищи их бросят здесь на произвол судьбы, на удивление, быстро срубили две молодые берёзки с робко трепетавшими на ветру листьями, для каких-то своих нужд перекинули через плечо белые с чёрными пятнами кривые стволы и вновь вернулись к дороге.

Когда обволакивающая темнота одним небрежным мазком сравняла краски в небе и на земле, разом сделав всё кругом непроглядно мутным, движение на дороге прекратилось. Лишь иногда сгустившиеся сумерки пронзали дрожащие пыльные лучи автомобильных фар. Неуверенно освещающая чёрную полосу утрамбованной, покрытой мягким войлоком пыли земли, не спеша проезжала какая-нибудь запоздалая машина, и снова наступала тишина. И тогда становилось слышно, как в лесу, засыпая, всё слабее и слабее вор-

ковала горлинка.

И вдруг в какой-то момент Семакин услышал, как в её затухающее воркованье вклинился посторонний звук. Приподняв голову, лейтенант, находившийся на левом крае, повернул ухо в ту сторону, напряг слух. К нему кто-то шёл, но не от дороги, откуда они ждали, а вдоль лесной кромки. Невидимый человек осторожно делал шаг, потом на какое-то время замирал на месте и вновь с чрезмерной аккуратностью двигался вперёд. Следовало предупредить Зимарина и других, но Семакин поостерегся подавать условный знак птичьим свистом, чтобы в сторожке ночной тишине не спугнуть незнакомца. А тут ещё неожиданно из-за лохматых тёмных туч выглянула луна, и он тотчас стремительно уткнулся лицом в траву, успев за короткий миг разглядеть островерхие пилотки и торчавшие из-за плеч винтовки. Затаился, не дыша.

Мимо, шёпотом переговариваясь, прошли двое. Как Семакин ни старался, но так и не смог разобрать, о чём они шептались. Агенты, по всему видно, были опытными диверсантами, потому что ступали нога в ногу, что его, собственно, и сбilo с толку. От досады за свою оплошность, что ошибочно принял двух человек за одного, он так стиснул зубы, что прикусил нижнюю губу. Облизав кончиком языка выступившую капельку крови, он неслышно поднялся и осторожно двинулся следом за шпионами, стараясь не упустить их серые, смазанные сумерками фигуры из виду.

Семакин шёл крадущимся тихим шагом, замирая всякий раз, как только эти двое останавливались. В скупом неживом свете спрятанной за облаками луны он видел, как они озирались, тревожно прислушивались к естественным лесным звукам. То и дело облизывая пересохшие от волнения губы, в очередной раз прижавшись к шершавому стволу сосны, мигом растворившись в ночи, лейтенант вдруг подумал: «Чего это они так остерегаются, находясь в глуши? От дороги далеко, от деревень тоже. Неужели что-то заподозрили? Да ну, дикость какая-то! Зимарин отсюда находится на расстоянии шагов ста, другие ещё дальше. А шли они с левого края, где вообще наших нет. Что-то здесь не так. – Он сдержанно перевёл прерывистое дыхание. – Ладно, после разберёмся. Как только дойдём до тайника, где у них спрятан передатчик, так сразу я их и возьму. А потом уж знак своим подам».

Несмотря на юный возраст, – а у него только недавно пробился лёгкий белёсый пушок над верхней губой, – Семакин уже не раз делом доказал свои профессиональные качества, имел на личном счету восемь самостоятельных задержаний иностранных агентов разных мастей. Поэтому никаких сомнений у него не было, что он в одиночку справится и с этими диверсантами: на его стороне внезапность, натиск, безрассудная отвага и отчаянная наглость, и, что немаловажно, как дополнительный аргумент – автомат ППШ.

Размышления лейтенанта неожиданно прервал слабый треск сухой ветки под ногой у одного из шпионов. Он поры-

висто подался назад, плотно прижался спиной к берёзе, сразу же присели на корточки и те двое, испуганно озираясь по сторонам. Сглотнув слюну, Семакин убрал руку с ложа автомата, медленным движением вытер влажную ладонь о галифе. Вот чего он никак не ожидал от опытных диверсантов, так это того, что у них от величайшего напряжения не выдержат нервы: когда по их же вине, по неосторожному движению снова хрустнула ветка, они внезапно вскочили и ломанулись бежать с невероятным шумом по лесу, ломая сучья.

Контрразведчик хоть и был в силу специфики своей профессии подготовлен принять любое развитие событий, тем не менее к такому непредвиденному повороту оказался не готов, потому что не мог поверить в произошедшее. Растерявшись в первые секунды, уже не таясь, он пустился в погоню. Настигнув бегущего перед ним человека, Семакин ловко подсеёк ему ноги носком своего сапога. Всплеснув руками, агент с маху грохнулся обезображенным от страха лицом в мокрую от росы траву.

– Лежать! – сурово приказал лейтенант, придавив тяжёлым сапогом распластанное тело к земле; коротко размахнулся и ударил прикладом незнакомца по затылку. – Так-то будет надёжнее, – мимоходом пробормотал он.

Преследовать в темноте, ориентируясь по шуму, было несложно, если убежавший человек от страха потерял рассудок. Но тут всё же был не обычный человек, а подготовленный диверсант, который в любую минуту мог умышленно за-

таиться в каком-нибудь тёмном удобном месте, а потом потихому скрыться. Упускать его ни в коем случае было нельзя. Поэтому когда его серый силуэт вновь появился в холодном голубеющем свете луны среди деревьев, Семакин грозно крикнул:

– Стой, стрелять буду! Стой, кому говорю!

– Шиш тебе... – неожиданно донёсся приглушённый, какой-то сдавленный голос, как будто человек говорил через силу или ему зажимали рот. И тотчас треснул выстрел, короткий, как удар пастушьего кнута. Сухой звук, отразившись в замкнутом пространстве от стволов, быстро заглох. Срезанная пулей ветка сверху упала Семакину на голову, оцарапала щеку.

– Сопротивление бесполезно! – прерывающимся от негодования суровым голосом громко крикнул лейтенант. – Ты окружён! А дружок твой червей уже кормит! Лучше сдавайся!

Семакин никак не ожидал, что его слова произведут на агента столь действенное впечатление. Козлом сиганув в сторону от сосны, за которой прятался, тот с безрассудным отчаянием вприпрыжку побежал к орешниковым зарослям, чтобы затеряться в их чаще. Какие-то мгновения – и он точно бы скрылся, бесследно исчезнув с глаз. И тогда лейтенант принял единственно верное решение: быстро стал на одно колено и, целясь низко над колышущими метёлками травы, очередью выстрелил по ногам. О том, что попал, его

оповестил рвущий душу дикий, прямо нечеловеческий, полный мучительной скорби крик, тянувшийся на одной пронзительной ноте:

– А-а-а-а...

Семакин торопливо вынул из кармана фонарик. Не включая, на всякий случай, пригибаясь, петляя на полусогнутых ногах, побежал в ту сторону, крепко сжимая в правой руке автомат. Когда до шевелившегося в траве чёрного сгустка, в котором и человека-то определить было невозможно, осталось шагов пять, лейтенант зажёл фонарь. Вспыхнувший жёлтый свет упруго рассёк темноту, осветил ярким пятном лежавшего на спине диверсанта. Поджимая простреленные ниже колен ноги, он с воем катался по земле.

Семакин стремительно подошёл и в упор посветил человеку в лицо. Мерцая запавшими вглубь глазных впадин красными больными зрачками, на него испуганно смотрел парень лет восемнадцати-девятнадцати, одетый в грязную гимнастёрку и замызганные, рваные галифе. Рядом с ним валялась пилотка, свалывшиеся и сальные русые волосы охвостьями спадали на бледный лоб. Стиснув широкие, покрытые коричневым налётом зубы, он по-волчьи, загнанно скалился от невыносимой боли. Из его страдальчески перекошенного рта шёл зловонный запах падали.

Остановившись взглядом на его окровавленных ногах в зачуханных обмотках стрелкового подразделения и стоптаных ботинках с оторванными подмётками, перевязанными

лохматыми верёвками, Семакин, ошалев от его отталкивающего вида, быстро спросил:

– Ты кто?

– Ваня я... Иван Вдовин, рядовой стрелковой... ди-ви-зи-и... – Красноармеец заплакал навзрыд, поминутно вытирая слёзы и сопли, торопливо залепетал, оправдываясь, боялся, что его расстреляют на месте без суда и следствия: – Мы с Митрием пробирались к себе в деревню... в Саратовскую область... У меня там тятя – инвалид... безногий... Трудно ма-тушке управляться-то одной... Там ещё сёстры одна одной меньше... Братик больной с измальства... А ежели я погибну...

Лейтенант и сам уже понял, что этот насмерть перепуганный, поизносившийся одеждой слюнявый парень не имеет никакого отношения к разыскиваемой ими группе.

– Дезертиры, что ль? – спросил с видимым отвращением Семакин.

Рядовой Вдовин быстро-быстро закивал, на его чумазом бледном лице появилось жалкое подобие улыбки. Вдруг из глаз его хлынули слёзы, потекли, оставляя на впалых щеках грязные дорожки, и он снова на одной ноте затянул, подтянув простреленные ноги почти к подбородку:

– Больно-о-о...

– Да уймись ты, – с сердцем прикрикнул лейтенант, чувствуя, как в душе зарождается невольная жалость к этому трусоватому парню. – Значит, другие пускай за вас погибают,

а ты со своим дружкой в тыл... Жить вам захотелось. Ну вы и фрукты, оказывается... с Митрием. Да только вот с гнильцой, – вынес он суровый вердикт, стараясь силой духа унять саднящую боль в сердце. – Но ничего... военно-полевой суд определит вам меру наказания по закону... Будь уверен.

В лесной глуши сквозь ажурное густое переплетенье ветвей тускло замаячили сразу несколько фонариков, шаря по листве, деревьям, траве. Когда щупающий местность длинный луч случайно попал в лицо, у Семакина перед глазами ярко вспыхнули радужные круги.

– Я здесь! – крикнул он громким, осекавшимся от волнения голосом и, подавая знак, круговыми движениями посветил в ту сторону, навстречу подходившим к нему контрразведчикам. – Тут ещё один дезертир, – уже более спокойно сказал Семакин, когда разглядел в скользящих по сторонам пятнах янтарно-жёлтого света второго красноармейца, этого самого Митрия. Он двигался без особой охоты, как-то боком, со связанными за спиной руками, неловко поводя узкими плечами, всё время грубо подталкиваемый прикомандированными автоматчиками из комендатуры. Как по его ушной раковине и длинной мочки уха текла кровь из разбитого затылка, так она и запеклась тёмной густой коркой.

– Здорово ты его приложил, – подходя, покачал головой Ерёменко. – Насилу очухался.

– Не много бы армия потеряла от таких вояк, – вскользь, с презрительными нотками заметил один из автоматчиков. –

Но ничего, если не расстреляют, то штрафбат им обеспечен. А там, глядишь, – неожиданно повеселевшим голосом продолжил словоохотливый боец, – и к правительственной награде будут представлены, как искупившие кровью свою вину перед Родиной.

– Разговорчики! – сухо оборвал его разглагольствования Зимарин, взял Семакина за локоть и отвёл в сторону: – Говори.

Лейтенант, приглушая голос, вкратце рассказал капитану о том, как обнаружил дезертиров, ошибочно приняв их за немецких агентов, о задержании, и поделился возникшими у него сомнениями по поводу того, что уж больно они вели себя осторожно, что сразу ему бросилось в глаза.

– Буквально носом землю рыли. Не могли же они знать, что здесь засада? Может, встретили кого-нибудь или видели?..

Зимарин раздумывал не больше секунды, стремительно шагнул к связанному дезертиру. Тот стоял, понуро свесив голову, всем своим унылым видом напоминал клячу, вконец уставшую от подъёма в гору с непосильным грузом. Наспех надетая на него грубой мужской рукой испачканная в кровь выцветшая солдатская пилотка съехала набок и удерживалась чудом, готовая в любой момент свалиться с головы со слипшимися волосами.

Резко подавшись к нему, со злым прищуром в упор глядя в его потухшие, полуприкрытые глаза, капитан спросил:

– А чего это вы со своим дружкой так осторожничали? Как будто боялись нарваться на засаду? Видели кого? – отрывисто, с нажимом спросил он и железной хваткой крепких пальцев за подбородок приподнял его голову. – Отвечай, ну!

Дезертир с трудом сглотнул слюну, словно контуженный, дёрнул два-три раза подбородком. Отводя глаза в сторону, запинаясь, негромко ответил:

– Т-там ваши в кустах прятались... М-мы, как только их заметили, так сразу же с Митрием и решили двигаться ошупочкой, чтобы не нарваться... М-мы и на тех-то чудом не нарвались только из-за того, что у одного в темноте стёкла очков б-блеснули... Тут мы сразу и сообразили, что там прячутся особисты... А кто ещё в оч-чках ходит? – Он впервые взглянул в глаза капитану, губы его мелко-мелко дрожали, зрачки напитались влагой. – Особисты и х-ходят. Мы подумали, что нам к-конец... з-застрелят... В-вот и осторожничали... т-таились...

– Правильно думали, – сказал Зимарин. – За трусость вас следует расстрелять. – И, увидев, как тот испуганно вздрогнул, спросил: – Показать можешь, где они прятались?

Дезертир с готовностью закивал.

– Б-было ещё не так т-темно... П-помню, там рос дуб в ок-кружении двух сосен и б-берёзы...

– Я знаю, где это, – оживился Ерёменко. – Мы мимо днём проходили. Я ещё удивился, увидев такое тесное соседство. Деревья как будто руками переплелись.

– Ведите, – сухо распорядился Зимарин и грубо толкнул дезертировавшего красноармейца перед собой. – А этого, – указал он кивком подбородка на лежавшего на земле его раненого приятеля, который от боли и потери крови, словно припадочный, закатывал глаза под лоб, покрытый испариной, – доставьте в госпиталь.

Недолго пропетляв в тёмном и оттого сейчас незнакомом лесу, контрразведчики наконец вышли к означенному месту. Здесь они обнаружили отпечатки подошв двух пар сапог, примятую траву, сломанные при поспешном бегстве ветки и едва приметную в высокой росистой траве цепочку следов, ведущих в сторону проезжей дороги.

– Спугнули мы их, – с досадой проговорил Зимарин. – Теперь на время затаятся, устроят радиомолчание. Э-эх! – Он сокрушённо взмахнул сжатой в кулак рукой настолько энергично, что стоявший рядом дезертир испуганно шарахнулся в сторону, неловко опрокинулся на бок. – А всё из-за вас, чертей, – сказал капитан, окинув недобрый взгляд Митрия, тщетно пытавшегося подняться без помощи связанных рук.

Глава 6

Время было далеко за полночь. Подполковник Черкасов сидел в своём кабинете и один за другим смолил любимый «Казбек». Консервная банка, использовавшаяся им вместо пепельницы, была полностью набита окурками. Когда он в очередной раз с силой вминал пожелтевшей подушечкой большого пальца выкуренную папиросу, через край банки на стол сыпались пепел и смятые в гармошку бумажные, влажные от слюны мундштуки.

Смог стоял в комнате такой, что было заметно, как клубился дым, словно синие грозовые облака перед ливнем. Набухшие мешки под глазами у Черкасова отвисли ещё больше, а красные от недосыпа и от едкого дыма чуть прикрытые веки не мигали, как будто начальник контрразведки спал с открытыми глазами. С минуты на минуту он ждал вестей, связанных с операцией «Призраки». Прошло уже несколько долгих томительных часов, а он продолжал всё так же упорно сидеть за столом, уставившись тяжёлым взглядом перед собой.

В целях маскировки света не зажигал, чтобы не угодить под бомбёжку. На столе стояла обычная керосиновая лампа с подвёрнутым фитилём. Тусклый жёлтый свет падал на неподвижного человека за столом, и его согбенная тень крупно отражалась на бревенчатой стене. Неожиданно тень заше-

велилась, заслышав торопливые шаги в коридоре. Черкасов вскинул голову, широкой шершавой ладонью с силой провёл по лицу, как будто умывался, чтобы снять усталость. Торопливо зачесал растопыренной пятернёй тёмные волосы назад, пошевелил могучими плечами, настороженно прислушался.

Знакомые шаги приближались, становились громче, вскоре в дверь деликатно постучали.

– Входите! – нетерпеливо отозвался подполковник, ощутив, как волнительно забилось сердце в ожидании неизвестных вестей, и тотчас непроизвольно задёргался живчик возле правого глаза. Досадливо поморщившись, Черкасов собрался потереть это место указательным пальцем, чтобы унять неприятное ощущение, но в этот момент дверь резко распахнулась, в комнату один за другим вошли Зимарин, Ерёменко и Семакин. Забыв про раздражающий его живчик, Черкасов порывисто поднялся им навстречу.

– Товарищ подполковник... – начал было докладывать Зимарин, хмуро поглядывая из-под разлтых бровей на Черкасова, но тот его быстро перебил: – Проходите... садитесь. – Он радушно, с видимым облегчением повёл рукой, приглашая прибывших офицеров размещаться, подвинул на край стола новую, но уже изрядно опустошенную пачку «Казбека». – Курите. – Сам же, грузно пройдя к двери, приоткрыв, хрипло крикнул в коридор: – Подшивалин, кипяточку нам!

До войны в крошечном помещении располагался секретарь сельского совета, теперь её занимал начальник отдела

контрразведки. Кроме грубо сколоченного наспех стола, табурета и самодельного топчана, в комнате ничего не было, отчего она выглядела довольно неудобной. Парни из сторожевого охранения предлагали подполковнику раздобыть в деревне железную кровать, но он отказался. Тогда один умелец из взвода сапёров и смастерил этот топчан, больше похожий на деревянный диван. Даже здесь искусный плотник не отказал себе в удовольствии потрудиться от души. Черкасов любил отдыхать по-походному, это держало в тонусе и не расхолаживало.

Зимарин тяжело уселся на табурет, угрюмо наблюдая за подполковником. Ерёменко и Семакин разместились на топчане, подвернув расстеленную на ней затёртую до блеска солдатскую шинель.

Черкасов вернулся к столу: к папиросам так никто и не притронулся. Он немного отвернул фитиль, и жёлтые коптящие языки пламени заплясали веселее. Положив свои узловатые руки на столешницу, подполковник обвёл осоловелыми от недосыпа глазами контрразведчиков, спросил, дёрнув щекой:

– Сорвалось дело?..

– Сорвалось, – уронил сквозь зубы Зимарин, протяжно вздохнул и, подавшись вперёд, упираясь ладонями в колени, принялся с жаром рассказывать, время от времени злобно щеря от досады жёлтые прокуренные зубы.

Выслушав его взволнованную, но короткую – только по

делу – речь, Черкасов негромко сказал:

– Это плохо...

Он взял со стола выпавшую из пачки папиросу, приподнявшись, прикурил над выпуклым стеклом лампы. Погрузившись в мысли, с раздумчивой мимикой на усталом лице стал не спеша курить, пуская дым перед собой. Пепел неряшливо падал на стол, но подполковник этого не замечал. Он даже не отреагировал на стук, когда в дверь негромко постучали.

Вошёл сержант из сторожевого охранения, держа в одной руке закопчённый до жгучей черноты алюминиевый чайник с мятыми боками, другой бережно прижимал к груди четыре серого цвета кружки. Он с молчаливой сосредоточенностью поставил на стол чайник, кружки, потом вынул из кармана широких галифе узелок с сахаром, аккуратно положил рядом и поспешно вышел, стараясь ступать тихо, чтобы не греметь каблуками сапог.

Черкасов, казалось, и его не заметил, всё так же продолжал сидеть неподвижно, только шевелились, пуская дым, его жёсткие губы да приметно дрожали пальцы, державшие дымившуюся папиросу. Но, как только за сержантом закрылась дверь, подполковник, словно очнувшись, стремительно загасил прямо о крышку стола недокуренную папиросу и, положив её сверху на горку окурков в банке, обратил свой взор на безмолвно сидевших офицеров.

– И что же мы имеем в сухом остатке? – спросил он

и с деловым выражением на хмуром лице сам себе ответил: – А имеем мы на данный момент по разработке операции «Призраки» следующие сведения достоверного характера. Во-первых, точно знаем, что агенты, в лице двух человек, приходили в лесной массив. И приходили для того, чтобы выйти на связь с центром. Даже если бы они явились туда забрать с собой передатчик, то вряд ли бы упустили возможность связаться. Значит, им удалось за короткое время добыть в наших оперативных тылах нужные им сведения. Но в результате того, что вы ненароком спугнули их, они не смогли отправить шифровку... Это одновременно хорошо и плохо. Хорошо, что не успели, а плохо, потому что они наверняка догадались, что засада была устроена именно на них. За передатчиком они должны вернуться, но открытым остаётся вопрос – когда?.. Думаю, следует через комендатуру пустить ложный слух, что облава была устроена не на агентов абвера, а на дезертиров... и другую шушеру. Требуется, чтобы они и это поверили неопровержимо... Тем более двух дезертиров вы задержали.

– Товарищ подполковник, – склонился вперёд Зимарин, – стараясь заглянуть в хмурые глаза Черкасову, – а что, если за передатчиком придёт кто-нибудь из местных? Нельзя всё же до конца исключить, что у них имеется связной из числа местных жителей. Я не имею в виду из близлежащих сёл, а из города... или даже со станции.

– Если на станции есть у них свой человек, то вряд ли

они будут им рисковать. Резона нет... А вот из города... Тут надобно покумекать, чтобы не прозевать его визита... Судя по тому, что они явились в среду, можно предположить, что очередной сеанс связи назначен так же на среду. Но это не факт... Посыльный же за рацией может явиться каждую минуту... Да, – спохватился Черкасов, – наливайте чаю... Да не стесняйтесь, побольше кладите сахару, чтобы котелок варил лучше. – Он значительно постучал согнутым пальцем по своей голове. – Этого добра пока хватает. Да и парни из роты охраны меня не забывают.

Черкасов плеснул из чайника себе кипятку, взял кружку, поднялся и принялся ходить по тесной комнате два шага вперёд, два назад, на ходу делая небольшие глотки.

– Зимарин, – внезапно остановился он за спиной капитана, – а конкретнее можно сказать, что там у вас нарисовалось с агентами, которые находились в лесу?

Держа на весу кружку, Зимарин кивнул Семакину, чтобы тот ответил по существу заданного вопроса. Судорожно дёрнув кадыком, лейтенант торопливо проглотил чай и вскочил, чуть не расплескав кипяток. Глазами указав, чтобы он сел, Черкасов остановился против него.

– Товарищ подполковник, – снизу вверх поглядывая на Черкасова, взволнованно заговорил Семакин, грея узкие ладони о горячий бок алюминиевой кружки, – судя по отпечаткам сапог, мы пришли к выводу, что один из агентов ростом не выше ста шестидесяти пяти – ста семидесяти сан-

тиметров, сухощавый, быстрый в движениях. Скорее всего, имеет нервный характер, что определяет его резкие поступки, должно быть, он и носит очки, отблеск которых заметили дезертиры. Второй человек более грузный, килограммов под девяносто – девяносто пять, высокого роста, где-то сто семьдесят пять – сто восемьдесят сантиметров, характером уверенный, весь из себя такой основательный, как стал за кустами, так и стоял на месте. След от его сапог вышел чётким и глубоким. Предполагаем, что диверсанты только что явились в лесной массив, как вдруг объявились эти двое... дезертиров. Агенты, конечно, легко бы могли их убрать, но решили лишний раз не рисковать, а дожидаться, когда они уйдут. Вот и затаились. А тут стрельба, крики, они и скрылись в сторону дороги...

– Разрешите, товарищ подполковник? – поднялся Ерёмченко, отслонив пустую кружку.

– Говори.

– Время было позднее, машины практически уже перестали ходить. Думаем, что за пару часов, пока мы задерживали дезертиров и разыскивали место, где затаились агенты, по дороге проехали не больше двух машин. В журнале на КПП проездные документы должны быть зарегистрированы, поэтому найти машины нам труда особого не составит. Может статься, что кто-то из водителей попутно подвозил двух офицеров из этого района. Тогда у нас будет хоть какой-то визуальный портрет...

– Толковые соображения, – раздумчиво сказал Черкасов. – Только вряд ли они будут рисковать, на пустынной дороге ловить попутку. Могли и лесом вернуться в город. Это будет намного дольше, но зато безопаснее. Но проверить вашу версию, думаю, всё же стоит. Чем чёрт не шутит.

– Этим мы сейчас и займёмся, – тяжело поднялся Зимарин со скрипнувшего под его весом табурета, бесцельно крутя порожнюю кружку в руках. – Да и место, где находились агенты, не мешало бы ещё раз осмотреть. Ночью хоть и тщательно всё осмотрели, ведь и упустить что-то важное могли. При фонарях особо не разглядишь. Днём – другое дело.

– Добро.

Черкасов ссутуленно повернулся. Оставив на столе свою кружку с остывшим кипятком, он не спеша подошёл к стене, резким движением сдвинул в сторону тяжело обвисавший зелёный брезент, которым плотно занавешивалось единственное окно. Сквозь пыльные стёкла с наклеенными крест-накрест узкими полосками газеты, для того чтобы сохранить хрупкое стекло в целости под бомбёжками, в комнату тотчас ударили первые розовые лучи ещё холодного солнца. В тесной прокуренной комнате стало светло, но на душе у присутствующих офицеров-контрразведчиков по-прежнему было муторно и беспокойно.

Черкасов вернулся к столу, с шумом задул лампу. От керосинового фитиля вверх протянулась тонкая, извилистая струйка серой копоти.

Глава 7

Высадив Ерёменко и Семакина возле приметного места, где ночью были замечены немецкие шпионы, Зимарин с водителем Палычем уехали на «додже» в сторону железнодорожной станции, в трёх километрах от которой располагался КПП. Встретиться они условились через два часа на просёлочной дороге неподалёку от Булгаковских Выселок.

Проводив глазами «американца», Ерёменко до хруста в позвоночнике потянулся, opravил гимнастёрку, офицерский ремень с кобурой и, прищулив левый глаз, взглянул в небо, где на недостижимой высоте пел жаворонок. Вокруг же стояла необыкновенная тишина, такая, которая бесконечно очаровывает, и человек начинает терять чувство реальности. В какую-то минуту Семакину тоже показалось, что на самом деле нет никакой войны, просто они с товарищем приехали в лес по грибы. Но полностью погрузиться в мирную жизнь не дал старший лейтенант Ерёменко. Он по-дружески хлопнул Семакина по плечу, сказал с воодушевлением:

– Ну что, Игорёша, по холодку тронулись в путь?

И первый размашисто зашагал к лесу, загребая голенищами сапог высокие метёлки. По росистой траве за ним ложился матовый след. Семакин проследил, как за товарищем неохотно прямится влажное разнотравье, пахнущее луговыми цветами, смолой близкого леса, и побежал догонять.

Вскоре они уже находились рядом с дубом, окружённым, словно в хороводе, двумя молодыми разлапистыми соснами с мягкой сочной хвоей и юной кудрявой берёзой. Время от времени от дороги набегал свежий ветерок, и резные листья трепетали, как будто кто-то невидимый, но большой ласково обдувал их воздухом. Неожиданно в ветвях зашуршало, и сейчас же над их головами раздался чуть глуховатый монотонный голос кукушки: «Ку-ку, ку-ку, ку-ку!»

– Ишь ты, раскуковалась, – ласково проговорил Семакин, запрокинув голову, выискивая глазами в густой кроне затаившуюся птицу.

– Не расхолаживаться! – начальственно прикрикнул Ерёмченко. – Время поджидает. Обсмотри тут всё в радиусе трёх-четырёх метров, а я ещё раз пройду по следу. Действуй! – бросил он уже на ходу, нетерпеливо направившись по едва приметным в густой траве отпечаткам подошв от сапог. Он двигался аккуратно, не делая лишних движений, словно опытный охотник, скрадывающий добычу.

Продолжая тихо улыбаться, лейтенант послушно занялся поисками улик и других вещественных доказательств, которые могли пролить новый свет на пребывание здесь агентов абвера, всё же не лишив себя удовольствия загадать, как в детстве: сколько раз кукушка прокукует, столько ему и будет отмеряно прожить. Но уже через минуту, увлечшись работой, Семакин забыл о своём желании. Он с великой дотошностью несколько раз обследовал окружающую местность

вдоль и поперёк, но, к своему сожалению, ничего утешительного найти так и не смог. Он слышал, как от дороги возвращался Ерёменко, что-то негромко насвистывал. По его унылому свисту Семакин догадался, что тот тоже ничего нового не обнаружил.

«Пустые хлопоты», – с досадой подумал лейтенант и полез в карман за папиросами, чтобы хоть как-то скрасить неудачу. Но вдруг с суетливой поспешностью затолкал пачку обратно и быстро подошёл к дубу, выискивая у его подножья глазами следы от сапог тяжеловесного агента. Расположив подошвы своих сапог точно в углубления, он замер, напряжённо поглядывая в ту сторону, где ночью украдкой проходили дезертиры.

– Говоришь... в сложной ситуации надо создать обстановку... схожую с той, в которой находились во время преступления... преступники, – неразборчиво бормотал Семакин, вспоминая наставления капитана Зимарина, который до войны недолго успел поработать сотрудником уголовного розыска. – И тогда мысли сами тебе подскажут... что было на уме у них... и поведение тоже подскажут...

У его лица трепетали листья берёзы, касаясь впалой щеки и щекоча её резными краями. Вначале контрразведчик отклонял гибкую ветку, но она всё время возвращалась, как только он её отпускал. Семакин досадливо покосился на ветку и внезапно заметил один обвислый, слегка завялый лист с цепочкой неровных дырочек полукругом. Он приподнялся

на носки, с любопытством рассматривая его необычную поверхность, как будто изгрызенную гусеницами или лесными муравьями. Но это не было похоже на укусы насекомых. При более же пристальном внимании, когда Семакин сломил ветку и поднёс её близко к глазам, его вдруг осенило: стоявший на этом месте рослый диверсант, видно, настолько был поражён неожиданным появлением дезертиров, что от волнения машинально прихватил лист зубами, наблюдая за перемещением сбежавших с фронта красноармейцев. Точно! Вот рваные отметки от нескольких передних зубов, а вот чёткий ровный след, оставшийся от... металлической коронки. Она лишь сильно сдавила поверхность листа, но не прокусила его насквозь.

Взволнованный очень важной находкой, Семакин дрожащими пальцами аккуратно оторвал лист и, бережно держа его перед собой на ладони, круто развернулся, собираясь идти навстречу Ерёменко. Но тут из кустов вышел он сам, разочарованно постёгивая сломанной по дороге хворостиной от орешника по голенищу.

– Что у тебя? – спросил он, окинув хмурым взглядом застывшего возле дуба лейтенанта.

Семакин с готовностью протянул к нему руку.

– Видел?

– Что это? – без особого интереса опять спросил Ерёменко.

Не в силах больше сдерживать распирающей его радости,

с сияющими глазами от своей находки Семакин торжественно выпалил:

– Вещественное доказательство! Которое более подробно визуально обрисует личность второго агента.

Ерёменко недоверчиво хмыкнул, сокрушённо мотнул головой, но лист взял.

– Это не просто отверстия, – горячась, заговорил Семакин, – а следы от зубов диверсанта.

Ерёменко с любопытством повертел в руках берёзовый лист, поглядел на свет.

– Коронка, – со знанием дела определил он и сразу же неимоверно оживился. – Да тебе, лейтенант, за такую находку непременно надо выдать орден. Это всё равно что найти в стогу сена иголку. Всё-таки не зря мы сюда наведались. Молочина!

Лицо Семакина расплылось в довольной улыбке. Действительно, обнаружить столь мелкий берёзовый листочек среди огромного количества листвы на дереве – это ли не огромная удача? Он с видимым удовольствием спрятал целлофановый пакетик с уликой в офицерский планшет. Ерёменко с затаённой улыбкой наблюдал, как после этого Семакин стал относиться к своему потёртому, выдавшему виды рыжему планшету прямо-таки с невиданным до сего дня почтением. Всю дорогу, пока они добирались заброшенной лесной тропинкой до поворота на Булгаковские Выселки, он бережно придерживал его рукой, как будто боялся потерять. Даже когда

он закурил папиросу, но и тогда свою растопыренную узкую кисть с планшета не убрал: умело проделал всё одной рукой. Только с виноватой улыбкой попросил у Ерёменко огоньку, чтобы тот зажёл спичку.

Зимарин запаздывал, и контрразведчики, выйдя на просёлочную дорогу, поджидая, расположились неподалёку на лугу. Безжалостно изрытая гусеницами, утрамбованная множеством солдатских сапог, пыльная, без единой травинки на обочине дорога представляла собой угнетающее зрелище. А здесь цвели розовые и белые колокольчики, ромашки, васильки, цикорий, набегавшими волнами плавно качали метёлками овсяница, костёр, мятлик, и над всем этим раздольем по солнечному жёлтому ковру одуванчиков тёл липкий медвяный запах медуницы, в воздухе порхали разноцветные бабочки, мерно жужжали трудолюбивые пчёлы.

Ерёменко вольно развалился на подсыхающей от росы траве, раскинув широко руки, покусывал крепкими зубами сорванный стебель упругой тимофеевки.

– Э-эх! Сейчас бы косу-литовку да от души помахать бы, – мечтательно произнёс он. – Прямо руки занудились, до того захотелось косить. – Он живо перевернулся на живот, опираясь на локти, спросил, блестя глазами: – Знаешь, как одурающе пахнет свежескошенное разнотравье? Дух над лугом такой стоит... вкусный и плотный. Кажется, что можно его откусывать кусками и жевать... жевать.

– Я и не знал, что ты умеешь косить, – не сразу отозвал-

ся несколько удивлённый его словами Семакин. Он сидел, облокотившись на согнутые колени, положив подбородок на скрещённые руки. – Вроде бы ты городской житель. Или нет?

– Дед научил, – коротко ответил Ерёменко и снова перевернулся на спину, разбросав крестом руки. – Знаешь, что я первым делом сделаю, когда война закончится? – спросил он, чуть помолчав.

– Косить выйдешь.

– Не угадал, – засмеялся Ерёменко. – Отсыпаться буду неделю. А уж потом косить пойду... Я ведь человек...

Но развить далее свою мысль он так и не успел: Семакин заметил вдалеке клубившееся облако серой пыли, которое стремительно приближалось.

– Наши едут, – сказал он и поднялся.

– Наконец-то! – обрадованно воскликнул Ерёменко и с завидной даже для Семакина легкостью вскочил на ноги, словно и не он только что беспечно валялся на траве, разморённый луговыми запахами. Было заметно, что ему также не терпелось сообщить Зимарину о находке товарища и поделиться своими соображениями на этот счёт.

Они скорым шагом направились к проезжей части, выжидательно поглядывая в сторону приближавшего в пыльном облаке «доджа». Не доезжая до них с полсотни шагов, Палыч свернул на луг и остановился напротив, а серое облако, клубясь, покатило дальше по дороге, медленно оседая и рассеиваясь в раннем, ещё не успевшем нагреться воздухе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.